

**Московский педагогический
государственный университет**

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Выпуск 2

Москва
2017

Коллектив авторов

Трудные вопросы

истории России. Выпуск 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34715423

*Трудные вопросы истории России: Учебное пособие. Выпуск 2 / Под
общей редакцией А. Б. Ананченко: МПГУ; Москва; 2017*

ISBN 978-5-4263-0538-0

Аннотация

Второй выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории России» логически продолжает первое издание. Основное внимание коллектива авторов – преподавателей Института истории и политики МПГУ – сосредоточено вокруг следующих актуальных научных направлений отечественной истории: революции 1917 г. как исторического феномена России, современных споров историков о событиях Отечественной войны 1941–1945 гг., проблем геополитики и идеологии, вопросов теории и методологии истории, проблем современного образования. Расширение традиционных рамок пособия связано с тем, что в современном мире число «трудных вопросов» непрерывно растет, и авторы пособия стремились идти в ногу со временем.

Пособие соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Предназначено для учителей, студентов и школьников, углубленно изучающих историю.

Содержание

От редактора	8
Раздел 1	13
100-летие Великой российской революции как наше историческое «зеркало»	13
История созыва и разгона Учредительного собрания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Трудные вопросы истории России: Учебное пособие. Выпуск 2

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

**Министерство образования и науки Российской Фе-
дерации**

**Федеральное государственное бюджетное образо-
вательное учреждение высшего образования**

**«Московский педагогический государственный
университет»**

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Код и направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Профили «История и Обществознание», «История и Право», «История и Иностранный язык (английский)»

Квалификация (степень) выпускника: «Бакалавр»

Рецензенты:

Д. В. Ковалёв, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ **Р. Г. Гагкуев**, доктор исторических наук, главный редактор издательства «Дрофа»

Авторский коллектив:

А. Б. Ананченко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики МПГУ;

Г. А. Артамонов, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ;

Н. Н. Глухарев, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

А. А. Зданович, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

А. А. Карасева, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

В. В. Маландин, кандидат исторических наук, доцент ка-

федры истории России МПГУ;

Ю.А. Никифоров, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ;

В.П. Попов, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

В. Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

Д. О. Чураков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

В. Л. Шаповалов, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ;

А. И. Юрьев, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ.

От редактора

Первый выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории России» вышел в 2016 г. и получил положительную оценку научно-педагогической общественности [2]. Прошедшее время показало, что число «трудных вопросов» в условиях быстро развивающегося мира постоянно растет, и потому неслучайно, что проблемы геополитики и международных отношений выходят сегодня на первое место. Для нас важно донести свое профессиональное понимание исторического знания до современной образовательной среды, показать, что многие проблемы современности имеют «длинную историю» и свои исторические корни. Другими словами, авторы пособия исходят из единства исторического процесса российской истории в контексте мировой, и это одна из причин того, что хронологические рамки пособия расширены.

Нерешенность многих «трудных вопросов» в прошлом, их неполное, неточное или искаженное, далекое от действительности отражение в исторических сочинениях, а иногда и заведомая фальсификация прошлого, то есть вся сумма объективных и субъективных факторов, влияющих на постижение истины, – все это заставляет историков вновь и вновь обращаться к темам, которые, казалось бы, уже были разрешены наукой. Это лишь доказывает, что знание не дается в

готовом виде; от студента требуются немалые усилия, чтобы овладеть им.

Можно с достаточным основанием утверждать, что каждое новое поколение по-своему переосмысливает роль Великой российской революции 1917 г. в отечественной и мировой истории. В чем заключается историческая случайность, а в чем историческая закономерность этого глобального события? Если рассматривать революцию как движение к созданию общества, проповедующего лозунги «свободы», «равенства» и «братства» и реализующего их в земной жизни, логично задать вопрос: не являются ли все коммунистические революции во всей мировой истории закономерной и оправданной реакцией населения на достижение зажиточной и справедливой жизни для всех? И если это так, то почему многолетние усилия при реализации подобных глобальных социальных проектов оборачиваются химерой, а максимальное вмешательство правительства в экономические и политические дела ведет к установлению тоталитарных политических режимов? Не является ли это последнее обстоятельство главной причиной господства бюрократии в Советской России? В какой момент и по каким причинам российский витязь, стоявший на распутье в начале 1917 г., в январе следующего года окончательно избрал путь, далекий от демократического? В чем смысл борьбы между «трудом» и «капиталом» и почему в советском обществе, где капиталистические отношения были упразднены, рабочее сопро-

тивление властям, то явное, то скрытое, стало непременным спутником их жизни? На эти и другие вопросы попытались ответить авторы первого раздела пособия. Конечно, в задачу историков не входит умножение новых «трудных вопросов» или воскрешение старых мифов для разжигания новых конфликтов, сегодня следует стремиться к созданию более совершенного социального мира и порядка.

Споры о характере Отечественной войны 1941–1945 гг. и причинах поражения Красной армии в приграничных сражениях, об устойчивом характере многих мифов о войне и попытках историков их развенчать, об источниках нашей Победы изложены во втором разделе пособия. Здесь также нет окончательных и однозначных ответов – авторы дают возможность читателю ознакомиться с противоположными точками зрения и попытаться выработать собственную. Выход в свет фундаментального 12-томника [1] не снял с повестки задачу переосмысления наших знаний о войне; при этом авторы пособия обращают внимание на то обстоятельство, что знание фактов не всегда является определяющим в трактовке событий, важнейшую роль и сегодня продолжает играть господствующая идеология. Отмечается также то обстоятельство, что многие идеологические догмы прочно укоренились в сознании поколений, они не только усваиваются общественным мнением, но и становятся вне критики. Увлечение молодежи героикой войны делает актуальным проблему изучения личностей советских полководцев, пре-

взошедших немецких на поле брани. Они были разными по военным дарованиям, чертам характера и судьбе, но всех их объединяла вера в окончательную победу и беззаветное служение своему Отечеству.

Авторы пособия сочли возможным соединить в одном разделе проблемы геополитики и идеологии, современность и глубокую древность. Кто бы мог подумать еще тридцать лет назад, что проблема происхождения славян приобретет особую актуальность в связи с развитием агрессивного национализма в Украине, а сам национализм станет мощным оружием в борьбе с Россией. И наконец, не является ли сдача идеологических позиций советским руководством одним из главных факторов, приведших к распаду Советского Союза. Нетрудно заметить, что ответы на «трудные вопросы» порождают новые, которые еще ждут своего разрешения.

Впервые авторы пособия обратились к проблеме теории истории, которая стремительно развивается в последние десятилетия. Проблемы исторической памяти общества и формирования механизма сохранения и передачи информации во времени и пространстве занимали ученых с древности. Важным является представленное в пособии положение о том, что конкретное содержание исторической памяти всегда актуализировано.

Завершает сборник сюжет, посвященный переоценке влияния так называемого Болонского процесса на систему образования в России в связи с настоятельной потребностью

сохранения отечественных традиций, подготовки специалистов в аспирантуре.

Учитывая характер издания – учебное пособие, тексты разделов снабжены вопросами и заданиями, которые должны помочь лучшему усвоению студентами материала.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. М., 2011–2015.

2. *Матвеева А. М.* Национальное согласие по отечественной истории. Рецензия на учебное пособие по «трудным вопросам» истории // Преподавание истории в школе. 2016. № 6. С. 64–65.

Раздел 1

К 100-летию юбилею Великой русской революции 1917 г.

100-летие Великой русской революции как наше историческое «зеркало»

А. Б. Ананченко

Юбилейный год, 100-летие наших революций, вызовет массу публикаций, о событиях и людях. Но даже их вал не приблизит нас к пониманию того, что это было. *«Здесь нужно, чтоб душа была тверда; Здесь страх не должен подавать совета»* [1]. У нас в последнее время количеством фактов пытаются заменить понимание. Но никакое количество не заменит ответы на принципиальные мировоззренческие, теоретические, методологические и гносеологические вопросы. И «трудные вопросы» нашей истории – как раз повод поговорить о важном для исторического образования, понимания и изучения.

Историческое образование выполняет, наряду с форми-

рованием знаний школьников по истории нашей страны, ее народов, мировых цивилизаций, всеобщей истории, и очень важные социальные, культурные, воспитательные функции. Историческое образование существенно отличается от изучения других наук, постигающих явления, процессы и объекты материального мира. Историческое образование должно не только передать сумму объективных знаний, но одновременно эти знания несут в себе и нравственные оценки, содержат примеры и смыслы поступков в истории. Можно говорить, что историческое образование дает не только знания фактов и процессов, но оно еще должно формировать национальное сознание, и не просто национальное, а позитивное национальное самосознание.

Можно говорить, что наличие или отсутствие разработанного систематизированного и рационально оформленного позитивного национального самосознания – один из самых важных признаков степени сложившейся субъектности того или иного государства, возможности исторически заметного его существования. Так же как разрушение исторического самосознания – один из самых важных элементов современных идейных, смысловых и ценностных войн, что мы наблюдаем, например, на территории современной Украины, или в некоторых республиках бывшего СССР.

Может ли добиваться этого историческое знание? Не только может, но и должно! Вопросы исторического знания, сознания, восприятия, настроения, отношения к прошлому,

настоящему и будущему своей страны, включая личную и семейную биографию, являются важными и необходимыми элементами исторического образования и воспитания. Бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь США Генри Киссинджер так определил особенности и недостатки современного преподавания истории в США: «В школах сейчас мы больше *не преподаем историю как последовательность событий*, ее рассказывают *по темам, без контекста*. А контекст в международной политике – едва ли не самое главное. Таким образом, нужно хорошо знать историю и взаимодействовать с зарубежными странами и их лидерами в соответствии с их собственной историей и менталитетом» [2]. Важно подчеркнуть, что историческое сознание – обязательный элемент развитого государства и социума.

Хотелось бы еще отметить, что мы должны включить в изучение отечественной истории как исходный обязательный мировоззренческий принцип – *единство всей отечественной истории от древней истории до сегодняшнего дня, включая наш общий образ будущего*.

И конечно, важной, принципиальной вехой нашей истории стали и должны рассматриваться революции 1917 года. Очень часто образы революций используются именно для того, что разделить нашу историю. Тем более что сами революции тоже себя именно так и рассматривают, как принципиальный и бескомпромиссный разрыв с прошлым: «весь мир насилия мы разрушим...». Для нас же, для общества,

важно видеть сейчас то, что нас соединяет, сохраняет на протяжении всей нашей истории, включая и революции, важно видеть единство самых важных наших духовных ценностей.

Историк, академик РАН С.П. Карпов, подчеркивая роль ценностей в истории, отметил: *«Патриотизм и достоверность – не антитезисы. Они дополняют и подкрепляют друг друга при корректной, неангажированной и полной интерпретации фактов и событий истории. Без фигур умолчания и сокрытия истин, но, повторяю, с четким и ясным объяснением причин побед и поражений и извлеченных из прошлого уроков»* [4].

Разработчиками историко-культурного стандарта были выделены так называемые трудные вопросы отечественной истории, включающие важные, переломные, ключевые, но сложные процессы из нашей истории. Причем это сложные процессы не только сами по себе, но и сложные для понимания, нахождения общего позитивного вектора общественных оценок этих событий и явлений.

В 2017 году мы отмечаем 100-летний юбилей наших революций. В примерных трудных вопросах, которые выделены на сегодняшний день, есть и проблемы революционной трансформации российского общества в начале XX века: *«причины, последствия и оценка падения монархии в России, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне; причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И. В. Сталина».*

Хорошо, что некоторые вопросы выделены, помечены как «трудные». Но сегодня за этими «скромными», неполными формулировками и названиями событий, процессов прячется гораздо больше проблем как принципиальных мировоззренческих, теоретических, концептуальных, так и конкретно-исторических, вопросов понимания российской революции 1917 года, формирования нового советского общества, мировой социалистической системы, мировой двухполюсной системы.

Во второй половине 1980-х годов проблемы возникновения, развития, сущности и оценки советского общества стали в СССР актуальным содержанием массового общественного сознания. В оценке и понимании советского периода публицистика вытеснила научную литературу, а господствовавшая до этого марксистская парадигма истории уступила место «диктатуре фактов» и ряду периферийных научных концепций (гипотез) истории.

В постсоветский период в российском обществе, среди его элиты победила идеология «прогрессорства». Ее исходным пунктом стало нормативно-ценностное отношение к России с точки зрения западной цивилизации. Содержанием «прогрессорства» как социального явления русской жизни стало негативное отношение к наличной жизни, своей истории и ценностям российской цивилизации. Сведение многообразия всех возможных качественных трансформаций в развитии общества к одному типу – развитию через распад, через

социальную катастрофу и разрушение, через «хаотизацию» социума. Западное общество, а особенно его бытовой образ жизни стали рассматриваться как синоним и критерий цивилизованности вообще, как образец, в соответствии с которым и должна согласовываться траектория исторического развития России.

В этих условиях оказалось важным именно научное исследование формирования советской политической системы, изучение содержания политической революции вообще и советской, в частности. Такое исследование позволило выявить, что формирование новой политической системы – это длительный исторический процесс, охватывающий в России, например, в начале XX века несколько десятилетий. Он имеет свою объективную логику и этапы. В то же время конкретно-исторический анализ формирования советской политической системы позволил выделить новый тип политических революций, когда они *не завершают, а начинают социальную революцию*. Такие политические революции стали возможны при появлении условий и элементов управляемости историческим процессом, когда на базе однотипных материальных (технологических) условий существования общества могут быть построены принципиально различающиеся общественные системы.

Принципиальное отличие русской революции от предшествующих революций, возможность такого отличия отстаивал и В. И. Ленин, когда спорил о возможности «обратной»

революции, начиная с завоевания политической власти:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

16 января 1923 г.

*Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а **ПОТОМ** уже начать движение к социализму? В каких книжках читали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» (выделено и подчеркнуто мной. – А. А.) [5].*

Собственно, эти отличия отношения к историческому процессу и возможности субъективно повлиять на него различают концептуально классический марксизм и ленинизм, а политически – меньшевизм и большевизм.

Именно этим отличается формирование советского общества и его политической системы. Классические политические буржуазные революции перехода к индустриальному

обществу происходили уже на завершающей стадии формирования нового общества. Политические революции только завершали процесс перехода от одного общества к другому. В русской революции все было иначе. Сначала революционеры захватывают политическую власть и только потом начинают формировать, создавать новое общество.

Становление конкретно-исторической политической системы Советской России – СССР заняло поэтому, как нам представляется, достаточно длительный исторический период, начало которому положила Февральская революция и появление Советов в качестве центральных и местных организаций, выполняющих часть функций государственного управления. Верхней же границей этого процесса стала, на наш взгляд, вторая половина 1930-х годов, когда произошло достраивание и встраивание (подчинение) всех элементов политической системы государственной. Важными вехами завершения этого процесса стали принятие Конституции 1936 года и репрессии революционной элиты.

Весь процесс формирования новой советской политической системы распадается на ряд самостоятельных этапов. Сегодня можно выделить следующие этапы становления советской политической системы:

первый этап (февраль – октябрь 1917 г.): начало превращения Советов в элемент политической и государственной системы Российской Республики, начало становления все-российской системы Советов;

второй этап (октябрь 1917 г. – 1920 г.): этап многопартийной советской политической системы, складывание предпосылок формирования однопартийной политической системы. Административно-государственное строительство и территориальное размежевание органов власти различных политических систем, вооруженная борьба между ними за утверждение на всей территории страны в качестве центральной российской власти. Качественный перелом в определении места и роли небольшевистских партий в государственной системе советской власти. Постепенное «угасание» роли Советов как органов власти в условиях Гражданской войны и господства чрезвычайных органов управления. Складывание военизированной-бюрократической формы государственной власти;

третий этап (1920–1928 гг.): завершение становления однопартийной политической системы, унификация и распространение органов новой власти на всей территории страны. В этот период в основном определились территориальные границы и административно-государственное строение и состав государства, его конституирование как СССР;

четвертый этап (1928 г. – вторая половина 1930-х гг.): завершение складывания и укрепления новой политической системы, правовых границ и неписаных правил (действующих традиций) ее функционирования. Завершение становления всех ее политических институтов и прежде всего соответствующей системы общественных организаций. Завер-

шение формирования новой политической, хозяйственной и интеллектуальной элиты государства.

Таким образом, становление политической системы Советской России – СССР, на наш взгляд, имело определенную объективную логику своего развития. От сосуществования государственных и общественных элементов различных политических систем в первые месяцы советской власти до их вооруженной борьбы за господство над территорией бывшей Российской империи в последующем. После окончания Гражданской войны и поражения всех меньшевистских политических сил шел процесс постепенного подчинения или «отсечения» и локализации остальных элементов политической системы, и прежде всего церкви и средств массовой информации, а затем и остальных общественных организаций.

Когда-то в Советском Союзе считали и пропагандировали, что Октябрьская революция положила начало новой всемирно исторической эпохе. После 1991 года стали говорить, что советское общество – это исторический тупик. И то, и другое утверждения оказались не верны. Но правды не было и посередине, тем более что она там никогда и не оказывается. Посередине обнаруживается только формулировка проблемы. И не всегда объективной. Но вернемся к нашей (в прямом смысле слова) революции.

Собственно Октябрьская революция действительно положила начало новой мировой эпохе – эпохе управления гло-

бальными социальными процессами в масштабах регионов, государств, объединений государств и всего мирового сообщества. Революции XX века, как нам представляется, – это уже преимущественно не стихийные социальные скачки, как это было в XVIII–XIX веках, а социальное сознательное действие и экспериментирование, экспериментирование, сопоставимое по последствиям и масштабу с испытаниями атомной бомбы на государствах и городах. По сути, мы имеем дело с тем, что за красивыми «рассказами» по истории (с чем большинство до сегодняшнего времени ассоциирует историю как науку) родилась достаточно «точная» наука, использование которой в политических и социальных целях без морально-нравственной ответственности их пользователей является особо опасным социальным преступлением, влекущим социальные, политические, технологические, духовные и тому подобные разрушения в социальном организме.

Фигуры физика и историка как социальных типов «чистых ученых» сменили сегодня ученые-инженеры, ученые-технологи. Социальные катастрофы из естественно-исторических катаклизмов превратились в сознательно подготавливаемые и осуществляемые «сценарии», «модели» и «эксперименты», «цветные» революции. В результате этого «социальные инженеры» конца XX – начала XXI века заговорили о конце истории и о появлении в мировой истории вместо «игры Бога», или естественно-исторической законо-

мерности (кому что ближе) – нового субъекта исторического целеполагания и управления.

Все вместе это и объясняет чрезвычайную актуальность изучения и понимания создания советского «социалистического общества», поскольку в этом процессе впервые сознательные составляющие стали преобладать над стихийными. Нам это понимание советской эпохи нужно не только для того, чтобы понимать и принимать себя в истории, но и видеть, что наша деятельность положила начало в прямом смысле новому миру. Русский философ, логик и социолог Александр Зиновьев подчеркивал принципиальное изменение истории в XX веке: *«Исторический процесс, который до сих пор шел как стихийный, неуправляемый, превратился в проектируемый и управляемый. И как следствие произошли многочисленные перемены, возникли явления, которых не было или которые были только в зачаточном состоянии»* [3].

История мировой социалистической системы, советского общества и становления советской политической системы представляет сегодня как научный, так и практический интерес, в том числе и чисто политический. Опыт альтернативного, мобилизационного исторического развития стал одним из направлений для современной практики поисков пути будущего развития всей мировой системы цивилизаций.

Несомненно, что XX век стал переломным в истории человечества. Мировые войны, мировая экономика и мировые

финансы, элементы глобального управления мировой системой государств и самим историческим процессом, попытки формирования и утверждения мировых идеологий, борьба за статус определяющего направления развития центра мировой системы- все это и многое другое стали элементами (частью) процесса объединения человечества в единое социальное, экономическое и политическое сообщество. Огромную роль в самой возможности такого объединения, в создании его предпосылок сыграл Советский Союз и его исторический опыт.

Сегодня человечество разделилось на субъект исторического процесса и на «объекты», для которых стратегические параметры и направленность их развития сознательно задаются извне. Такой контроль осуществляется созданием «коридоров развития», то есть целенаправленным формированием внешних или внутренних политических, экономических, идеологических, военных и тому подобных условий, создающих целевые и ресурсные (в широком смысле) ограничения развития социальных организмов, задающих им направление, темпы и средства этого движения, а в совокупности позволяющих реализовывать многоуровневые стратегические и тактические цели «субъекта истории».

Все это в целом и создает такие социально-политические и научно-концептуальные предпосылки, при которых историки и политики еще неоднократно будут испытывать потребность пристально вглядываться в первую и достаточно

успешную попытку сознательного качественного изменения строения общества и задания ему целенаправленного вектора движения, то есть в историю становления советского общества и его политической системы. Очевидно, что к концу Гражданской войны мы наблюдаем первые завершённые формы новой политической системы как определенной, относительно равновесной и целостной системы государственных органов, политических и общественных организаций. Проблема же заключается в характеристике ее сущности и исторического места. В современной отечественной историографии она чаще всего определяется как административно-командная или тоталитарная система. Но этот взгляд, как нам представляется, недостаточно обоснован и представляет собой скорее идеологический феномен, чем элемент научной историографии.

Таким образом, мы можем сегодня сделать ряд выводов о характере процесса становления политической системы Советской России в период октября 1917 г. – 1920 г.:

в хронологических границах этого периода мы имеем дело с качественно различными процессами в политической сфере российского общества: это угасание «февральской» политической системы (тоже не завершившей к тому моменту своего становления), в которой не нашлось политических сил, способных правильно сформулировать и эффективно осуществить тактику защиты Учредительного собрания; это советская политическая революция («триумфаль-

ное шествие» советской власти), захлебнувшаяся в Гражданской войне; это начало формирования однопартийного большевистского государства;

к началу 1920-х годов сложилась система высших, центральных и местных органов власти нового государства, то есть в основном уже сформировались элементы государственной системы Советской России;

в стадии завершения находилось формирование состава политических партий Советской России, сохранялась многопартийность; правящей и наиболее развитой была к концу Гражданской войны единственная партия – РКП(б), остальные, действовавшие на территории РСФСР, социалистические и национальные партии переживали организационный и идейный кризис как результат своей политической линии в период Гражданской войны, а также политического и судебного давления государственной власти;

система новых общественных организаций в этот период находилась еще только в начале процесса формирования. Большинство старых общественных организаций сохранилось и в период революции и Гражданской войны или было превращены в государственные организации, позволявшие контролировать правительству важные для него сферы общественной жизни. Огосударствление касалось прежде всего массовых организаций. Такие организации и рассматривались руководством страны и РКП(б), прежде всего, как естественно-исторически возникший аппарат управления той

или иной сферой общественной жизни. Задача же виделась в том, чтобы подчинить его политически РКП(б), а организационно – советскому руководству. В целом же советская система общественных организаций складывается, на наш взгляд, только в 1930-е годы, когда происходит становление большинства советских общественных организаций;

в условиях Гражданской войны Советы потеряли свое значение как органы власти, превратившись в хозяйственно-снабженческие организации, хотя высшая государственная власть по окончании Гражданской войны по-прежнему была сосредоточена в СНК;

экстремальные условия управления обществом и армией в условиях Гражданской войны изменили политическую роль РКП(б). Большинство функций чрезвычайного управления (а чрезвычайным в тех условиях было практически все управление) на местах переходило в руки партийных комитетов, так как других проправительственных органов социального управления просто не существовало. Этот процесс «большевизации» государственного управления усиливался и накладывался на процесс распада и «угасания» остатков всех сложных и «культурных» форм социальности, а не только государственного управления;

«триумфальное шествие» советской власти стало и ее концом, поскольку многопартийные Советы политически оказались как бы между фронтами Гражданской войны. Эта политическая линия «третьего пути» на основе результатов

выборов в Учредительное собрание привела к образованию летом 1918 года сначала Российской Демократической Федеративной Республики (РДФР) на территории Среднего Поволжья и Урала, которая пала осенью 1918 года под натиском «недемократических России», а затем и ряда других государственно-административных образований;

таким образом, процесс становления политической системы в целом к началу 1920-х годов не окончился и находился еще в развитой стадии;

характеризуя же политическую систему Советской России в тех ее формах, какие сложились к началу 1920-х годов, можно сделать вывод о том, что в этот период закончилось формирование лишь первой, переходной, «военно-бюрократической» формы политической системы нового общества.

Важным аспектом изучения становления политической системы Советской России является анализ этапа разрушения «старого» государства, этапа политической и социальной катастрофы, который большевики рассматривали как способ перехода к новому государству и обществу. Надо сказать, что с тех пор многие политические силы (либеральные, отчасти социалистические и другие) в мире стали рассматривать этот способ как наиболее предпочтительный и эффективный для качественных и быстрых трансформаций общественных организмов. Анализ этих проблем в конкретно-исторических формах привел нас к выводу о том, что государственность в этом случае возвращается к первичным

формам социального общежития и управления, когда власть находится у вооруженных отрядов, контролирующих определенную территорию и осуществляющих одновременно все властные функции: суд, установление и поддержание того или иного внутреннего порядка, защита от нападения извне и т. и.

Оказалось, что государство и культура являются более уязвимыми, «сбрасываемыми» формами социальной организации, после разрушения которых обнажаются более устойчивые, предшествующие, древние, первоначальные формы человеческого и социального поведения и организации людей. Возврат в «современность» после таких периодов распада может быть осуществлен либо извне более высокой социальной формой (мы не будем здесь касаться возникающих при этом нравственных, целевых, политических и иных проблем такого «прогрессорства»), либо, что скорее, «кровавым витком истории», загоняющим «первобытный хаос» в «тиски», границы «культуры», цивилизации и государства. Историческая эпоха «преувеличенного государства», сковывающего «железными обручами» массу людей и их сообщества в общество, становится жестоким, но неизбежным ответом истории на подъем темной, иррациональной стихии, всегда таящейся под внешним слоем цивилизации.

Более точное и развернутое представление обо всем процессе становления политической системы советского обще-

ства, а не только его первой фазы, можно будет получить лишь в комплексных исследованиях трансформаций политической системы России, по крайней мере в хронологических границах 1917 г. – второй половины 1930-х гг., и при включении его в более широкий контекст мирового исторического процесса, истории России и советского общества в целом. Но такой масштаб выходит, на наш взгляд, за границы возможностей одной книги.

Мы далеки от того, чтобы считать, что наш подход исчерпывает все аспекты проблемы становления политической системы Советской России и возможные концептуальные подходы к ее изучению. Хорошо, если нам удалось заполнить хотя бы один фрагмент «контурных карт» прошлого русской революции.

Несмотря на огромное количество исследований русских революций начала века, и сегодня они представляют собой в историографии сложную мозаику, где зияют огромные белые незаполненные пространства. История складывания советской политической системы – это расходящийся в бесконечность веер философских, социологических, исторических, экономических, психологических, ценностных и прочих познавательных проблем, в исследовании которых хватит места всем научным школам и направлениям. А интерес к этому историческому явлению вряд ли исчезнет: ведь здесь берет свое начало новая эра в истории человечества – эра управления глобальными социальными процессами и

направленностью исторического развития.

Источники и литература

1. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. Часть 3. Песнь 3 // World Art // URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6299&public_page=3 (Дата обращения: 13.07.2017 г.).

2. *Киссинджер Генри*. Чужие интересы превратили украинский кризис в трагедию // Правдоруб. Дата публикации: 19 августа 2015 г. // URL: <http://pravdoryb.mfo/genri-kissindzher-chuzhie-interesy-prevratili-ukrainskiy-krizis-v-tragedivu-64715.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).

3. *Зиновьев А. А.* Теория мирового развития. Лекция. 7-я мин. // <https://www.youtube.com/watch?v=OpJFafSBCXO>

4. К 80-летию восстановления отечественного исторического образования и образования исторического факультета МГУ // Сайт исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Дата публикации: 15 мая 2014 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/News/20140515.htm> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).

5. *Ленин В. И.* О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // ПСС. Т. 45. С. 381.

Вопросы и задания

1. В чем специфика Русской революции 1917 г.? Что отличает ее от иных европейских революций?
2. Какую роль Октябрьская революция сыграла в складывании союзной государственности?
3. Какие этапы становления советской политической системы можно выделить?
4. Какие изменения государственных и общественных структур выступили в роли маркеров «большевизации» управления?

История созыва и разгона Учредительного собрания

А. И. Юрьев

Итоги выборов в Учредительное собрание, которые проходили в основном 12 ноября, в соответствии с решением еще Временного правительства Керенского, и частично 19 ноября 1917 года, то есть уже после Октябрьской революции, дают повод для очень серьезных размышлений. В соответствии с подсчетами историка Л. М. Спирина, из 45,5 млн человек, принимавших участие в голосовании, что составляло примерно 60 процентов от занесенных в списки избирателей, за большевиков проголосовало только 11 млн человек. Эсеры получили 55 процентов всех голосов, большевики 22,5 процента, остальные 22,5 процента другие партии [38, с. 238].

При этом некоторые историки сегодня считают, что подсчеты Спирина страдают в какой-то степени неточностью. В появившихся в последний период работах приводятся иногда иные, но не сильно расходящиеся цифры по этим и другим показателям результатов выборов в Учредительное собрание [34, с. 82, 442–443; 35, с. 184; 36, с. 42; 37, с. 108]. Однако они не меняют общей картины выборов и также свидетельствуют о бесспорной и убедительной победе партии

социалистов-революционеров и поражении большевистской партии. Так, исследователь истории Учредительного собрания Л. Г. Протасов пишет: «И с арифметической, и с политической точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима» [35, с. 164]. А историк К. Н. Морозов отмечает, что эсеры «одержали оглушительную победу на выборах в Учредительное собрание в конце 1917 года» [32, с. 44].

Вне всякого сомнения, подавляющее большинство избирателей голосовало против большевиков.

Однако Ленин и его соратники считали, что для социалистической революции нет необходимости в поддержке большинства населения. Ленин, анализируя итоги выборов в Учредительное собрание, писал, что только оппортунисты говорят о необходимости пролетариату сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, а потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на основе этой «чистой» демократии, организовать социализм. «А мы говорим, – отмечал Ленин, – на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать СЕБЕ государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» [21, с. 12].

По последним исследованиям, которые несильно расхо-

дятся с предыдущими подсчетами историков, в целом депутатские места в Учредительном собрании распределились следующим образом: из 766 мест эсеры получили в общей сложности 374 места, большевики 180 мест, кадеты – 24 места, меньшевики – 22. Остальные места в Учредительном собрании были у других партий, в том числе у различных национальных партий и течений, и у депутатов с неустановленной партийной принадлежностью [37, с. 111].

В советской исторической науке прочно утвердилось мнение, что результаты голосования не отражали истинного положения, которое в то время сложилось в стране, отношения населения к различным партиям и, главным образом, к партии социалистов-революционеров. При этом отмечалось, что эсеры выступали на выборах как единая партия, хотя к тому моменту она таковой уже не являлась, так как произошел раскол на правых и левых эсеров. Говорилось, что левые эсеры поддерживали советскую власть и вошли в состав Совета народных комиссаров, но на результатах выборов это отразилось мало, поскольку правые эсеры, пользуясь общими списками, проводили своих кандидатов, а поэтому выигрывали противники большевиков.

На наш взгляд, эта точка зрения весьма спорна. Фракция левых эсеров составила едва 40 человек среди всей эсеровской фракции Учредительного собрания. При этом левые эсеры участвовали в предвыборной кампании, находясь в рядах партии социалистов-революционеров, так как они офор-

мились в самостоятельную партию только в конце ноября 1917 года, но фактически до весны 1918 года на местах продолжали оставаться в единых с правыми эсерами организациях. Анализ источников говорит о весьма незначительной численности левых эсеров в этот период. Широкие слои населения России о них ничего не знали или знали очень мало. Сами левые эсеры признавали на своем II съезде, в апреле 1918 года, что в тот период их партия «не могла обладать ни солидными силами, ни солидными средствами, ни солидными возможностями, какие имеются у большой партии» [7, л. 20]. Не исключено, что участие левых эсеров в общем эсеровском списке, наоборот, дало им возможность провести своих депутатов, что было бы весьма проблематично, выступили они со своим отдельным списком или в союзе с большевиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.